

К. Э. Разлогов

Что строим: крепость или автострады?

Аннотация: инновационные гражданские и политические взгляды рассматривают развитие культуры как оправданную и очевидную политическую цель, имеющую практическое значение для новых наций-государств, в особенности для России после 1991 г. С одной стороны, политика нацестроительства порождает синдром изоляции (мой дом — моя крепость), с другой — разнообразие культур становится имманентной чертой общества, в то время как обыденное взаимодействие между людьми в повседневной практике в самых разных местах возрождает конструктивный принцип «мыслить глобально — действовать локально».

Ключевые слова: культурология, культурная политика, разнообразие, глобализация, глокализация, изоляционизм, взаимодействие, мультикультурализм, интеркультурализм, транскультурализм.

Региональная конференция Содружества Независимых Государств с участием международных экспертов «Культурная политика — политика для культуры», организованная при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве и Межгосударственный фонд Гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) и состоявшаяся в ноябре 2009 г. в Ереване, открыла новое направление для размышлений, стимулировала политическую концептуализацию культурной сферы и политические действия на всех уровнях, внесла весомый вклад в формирование инновационного профиля культурной политики. Данная проблематика и на сегодняшний день остается актуальной.

Вызовы глобализации. Все европейские страны находятся в ситуации, обусловленной глобализацией: они становятся субкультурами не только на региональном и локальном уровнях, но и на национальном. В мировом масштабе ситуация выглядит аналогичной в силу культурного разнообразия. Средства массовой информации отражают это *status quo*. Для исследований культуры и особенно культурной политики это означает методологический вызов. При традиционном подходе подчеркивается множественность культур. Каждая из них может быть массовой (но не глобальной), каждая отражает обычаи и ценности группы, определяющей себя как культурно самобытную. Понимается, что границы этих культур более или менее совпадают с границами этносов и этнических групп. В то же время культурное многообразие имеет множество других аспектов: территориальный — локальные или региональные культуры, понимаемые так, как это делает ЮНЕСКО (Европа, Центральная Азия, Латинская Америка и пр.), либо так, как принято в Европе (регион как субнациональное подразделение); религиозный; лингвистический (языковой); гендерный; социально-демографический; надгосударственный (Европейский Союз) и т.д.

Во времена СССР союзные республики для прессы и эфирного вещания имели, как правило, два официальных языка: национальный и русский. После обретения ими независимости (после 1991 г.) русский язык, потеряв свой статус в большинстве из них, сохранился в СМИ, хоть и в меньшем объеме. Английский заменил русский в качестве языка транснационального общения для новой элиты и молодежи. Это справедливо и для большинства восточно-европейских славянских стран (Польша, Чешская Республика, Болгария и т. д.). Фактически глобализация поглотила все пространство, где региональные объединения потеряли былое значение.

В других частях Европы глобализация проходила легче. Транснациональные компании стремились к вне-национальному статусу: *Nokia* — не финская, *Philips* — не голландская, *Siemens* — не немецкая. Либерализация рынка принесла продукты массовой культуры в Западную Европу сразу после Второй мировой войны, т. е. раньше чем в Восточную Европу. Вследствие этого глобализация последней проходила более активно и быстро, что способствовало новому пониманию культурной политики.

Культурная политика как специальное направление деятельности государства сформировалась во второй половине XX в. Тогда же «право на культуру» и свободное участие в культурной жизни было включено во Всеобщую декларацию прав человека (1948), а позднее был ратифицирован Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах (1966). Культурная политика в законодательстве большинства стран была определена как деятельность, целью которой являлось управление и планирование в сфере культуры. Так, в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (1992) мы находим следующее определение: «Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятель-

ности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры»¹. Такая интерпретация культурной политики основывалась на идее государственной поддержки профессиональных искусств, «высокой культуры» и ее популяризации.

В конце XX в. благодаря деятельности ЮНЕСКО произошло переосмысление понятия «культура»: культура стала пониматься как образ жизни, общие (для данного сообщества) нормы и ценности во всех видах человеческой активности². Такое определение бросило вызов традиционному восприятию культуры как отрасли, привело к глубинному сдвигу в понимании культурного разнообразия.

Проведением специальных дискуссий ЮНЕСКО на международном уровне инициировало осмысление нового профиля культурной политики как ответа на вызовы устойчивого развития и мира. Его значение двояко: он позволит стимулировать сферу культуры как таковую (наследие, творчество, культурные индустрии, народные промыслы, культурный туризм), удовлетворяя потребности в области законодательства и профессиональной подготовки менеджеров культуры, а также посредничества и управления культурными ресурсами; он явится гарантией того, что культура займет полноправное место в политике развития, особенно в области образования, науки, коммуникации, окружающей среды и социальной сплоченности.

Ключевые элементы этой новой стратегии обсуждаются. Пока они могут быть сформулированы в рамках следующих направлений:

– планирование в сфере культуры должно быть интегрировано в общее государственное планирование, сопровождаемое и поддерживаемое развитием инфраструктуры;

– институционализация процессов на местах должна содействовать укреплению связей между культурой и социумом с целью обеспечения устойчивости развития и благополучия людей и создания синергии между различными сферами политики и/или направлениями, выходящими за пределы конкретных отраслей;

– новые стратегии должны способствовать продвижению межкультурных компетенций в планировании и новому осознанию в государственных институтах и общественных организациях того

факта, что материальное обеспечение культуры есть важнейшая часть инфраструктуры национального развития в целом;

– при деятельности в сфере культуры должно учитывать последние теоретические результаты и практические рекомендации межкультурных/межрелигиозных исследований, межкультурные компетенции и диалог, влияние коллективной памяти и народной культуры, задачу сохранения материального и нематериального культурного наследия и поддержки разнообразных форм культурного самовыражения;

– координация этих механизмов на национальном и локальном уровнях должна способствовать распространению инновационных подходов поверх традиционных, институциональных или географических границ.

Картина общих тенденций и локальной специфики в переходный период везде неоднородна, вследствие чего осмысление путей развития связано с теорией мультикультурализма, с новым пониманием культурного разнообразия и социальной сплоченности, которая «в понимании Совета Европы характеризует способность общества обеспечить благополучие всех своих членов, минимизируя неравенство и избегая поляризации. Сплоченное общество — это сообщество свободных индивидов, преследующих общие цели демократическими методами, ориентированное на взаимную поддержку»³.

Национальное строительство против разнообразия. Исследования в области культурного разнообразия лежат в основании большинства обсуждаемых преобразований. В культурном ландшафте второй половине XX в. культурное разнообразие стало отличительной особенностью сообществ. Однако есть серьезные опасения, что в ситуации глобализации и культурного разнообразия почти каждое из обществ может быть стремительно вовлечено в политический, социальный или любой другой тип конфликта. Это ощущение было выражено во Всемирном докладе о культуре (2000), где слова «культурное разнообразие, конфликт и плюрализм» вынесены на титульный лист⁴.

На протяжении более 50 последних лет Центральная и Восточная Европа была привилегированным местом социальных и культурных экспериментов. После трагических событий Второй мировой войны большая часть этой части света была вынуждена более или менее строго следовать за советской моделью: централизованная плановая экономика, коллективная собственность на средства производства.

³ «Белая книга» о межкультурном диалоге «Жить вместе — жить в равном достоинстве» («Living Together As Equals in Dignity»).

⁴ Например, см.: Keys to the 21st century, 2004.

¹ Основы законодательства РФ о культуре. Ст. 3: «Основные понятия».

² Согласно определению Всеобщей декларации о культурном разнообразии, культура «должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков — духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных», помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», «системы ценностей, традиции и верования».

Для культуры это означало идеологический контроль, инфляцию национальных культурных ценностей и финансирование по остаточному принципу.

Трансформации 1990-х гг. принесли свободу прежним союзникам и привели к образованию независимых государств: Латвия, Литва и Эстония в Балтийском регионе; Белоруссия, Молдова, Украина в сердце Европы; Грузия, Армения и Азербайджан на Кавказе; Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан в Центральной Азии; Россия. Изменения сопровождались введением новых правил, продиктованных «рыночной экономикой», глобализацией (часто воспринимаемой как «американизация») и частично Евросоюзом, к которому присоединились прибалтийские государства. Культура в традиционном смысле (искусства и наследие) потеряла значение (и большую часть субсидирования), ее место заняли СМИ, «система звезд» и глобальная массовая культура, ошибочно трактуемая как антикультура и не-искусство. Возник новый контекст для культурной политики.

Содружество Независимых Государств, созданное в 1991 г. и базировавшееся лишь на исторически устоявшихся социокультурном и политическом сродстве, экономической взаимозависимости, миграции и личных связях, было неустойчивой структурой развития межгосударственных отношений вновь образованных наций. Укрепление национальных культур и преодоление негативных последствий глобализации фактически оказались главными целями национальной культурной политики стран-участниц СНГ и всего региона. В каждом из новых государств необходимой частью национального строительства стала парадоксальная ситуация: они строились, преодолевая сопротивление «советской империи», но принимали и поддерживали предлагаемую тенденцию культурного разнообразия. (Это противоречие свойственно и бывшим югославским республикам.) Одновременно развитие инновационной культурной политики в странах СНГ стало одной из ключевых задач реализации принятых в них сценариев развития, существовала практическая потребность в сохранении когда-то единого культурного пространства и развитии сотрудничества в области культуры.

Достижение этих целей находится в контексте преобразований социальных и политических систем, институций и обычаев. Реформы 1990-х гг. породили пространство с различными цивилизациями и культурами, сосуществующими многие века, где культурное разнообразие — важнейшая составляющая исторического процесса, а межкультурный диалог — критический фактор для культурной идентичности, чувства личной принадлежности и психологического комфорта.

В течение переходного периода, который все еще продолжается, каждая страна и каждое сообщество должны были выбрать свою собственную линию поведения (или протестную позицию) по отношению к постмодернизму и постиндустриальному миру, к обществу (информационному, трансформационному или к обществу знаний). Во всем мире интеллигенция и художники указывают на противоречие между рыночной экономикой и фундаментальными культурными ценностями, на которые все еще опирается большинство народов мира, на противоречие между экономическим и культурным развитием, которое проявляется и в форме хронического недофинансирования сферы культуры. До нынешнего экономического кризиса только экономисты и политики не видели фундаментальных противоречий между культурой и рыночной экономикой (как локальной, так и глобальной); для большинства из них процесс измерения экономики культуры сосредоточивался исключительно на «добавленной стоимости» (т. е. на приращении богатства благодаря культуре).

Противоречия в позициях интеллигенции и политической элиты идут из глубины веков. Проект Просвещения в эпоху модерна рассматривал культуру и образование как непреходящие ценности, неизмеримые экономически (так было даже для К. Маркса), а эпоха постмодерна (фактически глобальной массовой культуры XX–XXI вв.), базирующаяся на принципе развлечения, декларировала превосходство экономических критериев во всех сферах.

Предназначение советской культуры заключалось в том, чтобы стать своего рода метакulturой. Однако в 1990-е гг. этнические и религиозные сообщества укрепили свою идентичность на основе исключительности, связей с традицией и реконструкции коллективной памяти, а также общего для них менталитета, образа жизни, традиционных форм коммуникации. Новые нации и их элиты перестроили культурные ландшафты и породили новую игру идентичностей, образов жизни, ценностей и отношения к наследию. Культурное пространство было поделено между коренным населением, диаспорами, миллионами трудовых мигрантов, новыми социальными сообществами (возрастными, гендерными и пр.), объединявшие же их ранее культурные основания потеряли значение.

В этих условиях осмысление разнообразной и постоянно изменяющейся действительности, ее адекватное представление в дебатах и документах, потребность в инструментализации понятий и разработке определений, которые могут использоваться в законодательстве, стало жизненной необходимостью.

Культурные права против традиционных ценностей. В новой ситуации на первый план

выдвигается инклюзивная культура, основанная на принципах открытых границ, культурных прав, культурного разнообразия и межкультурного диалога; правовые инициативы, предлагающие формулировки в поддержку культурного разнообразия, укрепляют конституционные гарантии в области культуры и усиливают устойчивость стратегий развития⁵.

Продвижение нового гражданского и правового мировоззрения, основанного на межкультурных компетенциях, — важнейшее условие создания правовой системы, предназначенной для поддержания культурного разнообразия и межкультурного диалога. Поскольку разнообразный культурный ландшафт стал неотъемлемой характеристикой любого общества, культурное взаимодействие развивается в повседневной практике и на местах, восстанавливая в правах конструктивный принцип «мыслить глобально и действовать локально».

Эта концепция противоречит многим традиционным ценностям. В заявлениях руководства Русской православной церкви не раз звучало, что в западной концепции прав человека отсутствуют некоторые фундаментальные ценности, в частности прямая ссылка на Бога и человеческое достоинство. Религиозное возрождение иногда рассматривается как всеобщее спасение. Представителям ряда конфессий (в том числе мировых религий: христианства в православной и католической версиях, ислама, буддизма) в их традиционных ипостасях не хватает связи с текущими проблемами. Создание национальных культурных автономий не решило всех проблем мусульманских сообществ в России, но помогло смягчить напряженность.

Политические и военные проблемы сохраняются во многих регионах Европы и мира. Так, характерная черта культурной политики Азербайджана — трактовка проблем национальной культуры со ссылкой на мусульманскую традицию; в то же время часто подчеркивается, что эта страна — часть Европы, но она испытывает недостаток в контактах с другими европейскими странами. Более комплексный обзор этнических, религиозных и культурных традиций в их отношениях к противоречиям индустриального и постиндустриального развития дается в скандинавских исследованиях, посвященных верованиям и судьбе аборигенов Севера, важности их опыта общения с природой для концепции устойчивого развития. В их отношении к культуре изучаются этнические конфликты в разных частях Восточной и Центральной Европы и СНГ.

В современных исследованиях прослеживается тенденция рассматривать войну как результат чисто

политических конфликтов, в которых культура использовалась лишь в качестве аргумента, подчеркивается роль культурной оппозиции воюющим режимам. Большинство ученых отказывается признавать культурные основания современных конфликтов, сосредоточиваясь на их экономических, политических и военных аспектах. Напротив, радио- и телевидение распространяют политически и культурно приемлемые образы принципиально неприемлемых войн и конфликтов.

Анализ общих тенденций и местной специфики различных преобразований в контексте теории мультикультурализма выявил многообразие не только культур, но и сценариев будущего развития стран Восточной и Центральной Европы. Главным вопросом здесь является культурная адаптация. Одни исследователи полагают, что для сохранения существующих культурных идентичностей нужна протекционистская политика, другие считают, что политика, основанная на уважении и гарантии культурных прав в контексте культурного многообразия, способна быть социально эффективной и стимулировать устойчивое развитие в том случае, если она порождает включенность в культурную жизнь. Последняя может быть интегрирована в управление культурой как процесс реагирования на разнообразие потребностей граждан путем увеличения активного и креативного культурного участия и преодоления изоляции. В этой связи встает вопрос об «общей культуре», т. е. культуре, основывающейся на принципах свободы и сотрудничества внутри постоянно меняющегося культурного ландшафта⁶. Непрерывное мультикультурное образование, содействующее общности культуры, и художественное образование в частности, становятся необходимыми предварительными условиями для того, чтобы научиться понимать разные образы жизни и общаться с людьми, не похожими на тебя самого, избегать негативных стереотипов и влияния ложных представлений, распространяемых, в частности, средствами информации.

Массовая культура и искусство: глобальные преобразования. Основой критерий для выделения традиционных большинств и меньшинств — компактное проживание. В отличие от них новые культурные сообщества не только отражаются в информационных структурах (например, телеканалы меньшинств в Германии), но и создаются ими (например, транслокальные культурные сообщества, сформированные Интернетом). Для крупных культурных сообществ характерен общий язык, отличный от государственного на государственном уровне и от английского — на международном уровне. Здесь

⁵ См., например: Культурные права и проблемы, связанные с их признанием: сб. очерков, посвящ. празднованию 50-й годовщины принятия Всеобщ. декларации прав человека. М., 2003.

⁶ См.: Draft European Manifesto for Multiple Cultural Affiliation. [Strasbourg], 2007, p. 26.

мы снова вступаем в противоречие, отраженное в шутке: Великобритания и США — страны, разделенные одним языком. С этой точки зрения международный английский язык отличается от национальных и региональных вариантов английского, каждый из которых отражает особенности культурного меньшинства. В еще большей мере это относится к диалектам. В русле политики мультикультурализма одни меньшинства уже получили газеты и телевизионные каналы, вещающие на их родных языках (в Западной Европе больше, чем в Восточной, по экономическим и политическим причинам), другие все еще добиваются таких возможностей. Как правило, эти СМИ не могут содержать себя сами и выживают за счет государственного финансирования и помощи диаспорам с исторической родины.

Основной проблемой во взаимоотношениях общества и средств информации становится культурное разнообразие в пределах глобальной массовой культуры (процессы, обозначаемые термином «глокализация»). С этой точки зрения внешние отношения превращаются во внутренние и процессы коммуникации становятся еще более сложными. Рассмотрим значения терминов «популярный», «народный» и «массовый». Существуют разные виды популярной культуры: балканская культура, а внутри нее — хорватская; популярная культура в России и в отдельных ее регионах; во Франции — и в Бургундии, Эльзасе и т. д. Каждый раз, когда что-то нравится всему народу, а не только образованной его части, может быть применен термин «популярный». «Народный» обозначает культурную продукцию, создаваемую самостоятельно. Во всем мире существуют различные популярные культуры, нередко взаимодействующие одна с другой. Говоря «массовая культура», европейцы обычно имеют в виду «ужасный призрак» американизации. Глобализация понимается как культурная унификация.

Согласно другой точке зрения, массовая культура представляет собой однородное явление, обладает объединяющей силой, пытается быть универсальной: покрыть весь земной шар, понравиться любому возрасту и любому социальному слою. Какую бы ее часть мы не взяли (музыкальный хит, блокбастер, «звезду»), она никогда не достигает полного успеха, но благодаря разнообразию, с которым не может сравниться ни одна популярная или «высокая» культура, и способности быстро переключаться (с одного мотива, общественного деятеля, бестселлера — на другой), она непрерывно адаптируется к разным аудиториям, объединяя их в более-менее глобальную сеть.

Использование слова «сеть» мною не случайно: в Европе принято говорить о налаживании сетей связей и знакомств. Но огромное расстояние раз-

деляет формирование сети культурной политики, установление связей между группами интеллектуалов и потенциальный глобализм телевизионных сетей или киберпространства (включая все: от видеогр до всемирной паутины). Массовой культурой управляют импульсы, и главный из них — коммерческий импульс, получение максимальной прибыли, для чего надо максимально увеличивать аудиторию, искать «общий знаменатель» для населения всей планеты. А оно делится на группы, имеющие свои популярные культуры и формирующие закрытые миры. Так, племенная культура части Африки и российская традиционная фольклорная площадка могут быть связаны группами посещающих их туристов, но между ними двумя нет интеграции, она невозможна: эти две популярные культуры недостаточно близки друг другу, чтобы начать диалог. И, конечно же, существует великое множество схожих популярных культур, но с небольшими местными различиями.

Каковы их отношения с глобальной массовой культурой? Большая часть локальных культур не имеет шансов заполнить глобальные сети средств информации, но иногда это все же происходит. В российской части глобальной массовой культуры обнаруживаются самые разные явления: адаптации (дайджесты, фильмы, телесериалы) классических романов, особенно произведений Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского, идея русской души, Путин и Распутин, русская мафия, водка и теннисистки...

Самым недавним и единственным примером ассимиляции элементов российской индустрии развлечений является группа «Тату»; любовь и секс интересуют молодую аудиторию повсюду. Пример того же рода: разновидность популярной музыки одного из регионов Алжира — раи, в которой тоже поется о любви и сексе (подобные непристойные частушки существуют повсеместно), не пользующаяся особой популярностью даже в Северной Африке, почти случайно вошла на какое-то время в глобальную массовую культуру. Еще пример: выехав однажды из Москвы в Тверь — провинциальный город, значительно уступающий размерами столице, с которой когда-то соперничал, я познакомился там с ламбадой и потом уже узнал, что ее танцевали по всему миру. Танцующие не занимались исследованиями популярной культуры: это были обычные люди, живущие в массовой культуре. Познакомиться с популярной мелодией из Латинской Америки в глубине России оказалось возможным потому, что она стала универсальным (глобальным) явлением, доступным для всего мира благодаря средствам массовой информации. Можно объяснить эти явления тем, что большинство людей интересуют секс и насилие, но почему

именно «Тату», раи, ламбада, ведь помимо них существуют тысячи мелодий и исполнителей? Потому, что массовая культура способна адаптироваться, интегрировать популярные культурные явления и диалог между ними может состояться повсюду. Этот диалог фундаментально отличается от традиционных путешествий художников или туристов: в глобальных сетях разнородные культурные явления не экзотичны, а равны.

Другой вопрос — отношения массовой культуры и субкультур (т. е. региональных и национальных культур, культур меньшинств, культуры «высокой», молодежной и др.). Субкультуры тоже имеют тенденцию превращаться в закрытые миры, явно не хотят быть частью сети СМИ, предпочитая культивировать групповые идентичности.

Общей тенденцией стал и структурный сдвиг к искусству: хотя общее число библиотек и культурных центров сокращается, число театров, концертных залов, музыкальных исполнительских групп, музеев и художественных галерей к концу XX в. стало возрастать. Творческий потенциал и упрощенная процедура создания учреждений культуры изменили соотношение кадровых ресурсов в пользу «новых», т. е. небольших, театров, трупп, музеев и галерей. В случае библиотек и культурных цен-

тров наблюдается обратный процесс: их становится меньше, но они укрупняются.

Другая сторона кризисного управления появилась в индустрии культуры. Со времени «перестройки» считалось, что она способна функционировать по рыночным правилам; ключевым понятием была «приватизация». На самом же деле глобализация пришла к власти там, где потерпели поражение региональные блоки. Либерализация рынка впустила продукты массовой культуры в Западную Европу раньше, чем в Восточную: сразу после Второй мировой войны. Зато глобализация Восточной Европы прошла быстрее, породив полную трансформацию понимания культурной политики. Полностью частный (и пиратский) видеобизнес распространился по всей Центральной и Восточной Европе и в странах СНГ, т. к. государственные предприятия оказались неконкурентоспособными из-за бюрократических ограничений и соблюдения авторских прав. Пиратство было главным итогом рыночной мантры, провозглашения невмешательства государства в экономику⁷. К нему свелось новое законодательство о правах на интеллектуальную собственность, воплощенное в жизнь в большинстве постсоциалистических государств.

Пиратские рынки в Центральной и Восточной Европе⁸

	Кино		Фонограммы		Программное обеспечение, офис		Программное обеспечение, развлечения		Книги	
	потери	доля пиратства	потери	доля пиратства	потери	доля пиратства	потери	доля пиратства	потери	доля пиратства
Украина	45	90%	125	75%	59	91%	д/нет	85%	д/нет	229
Россия	275	75%	405	64%	704	87%	д/нет	80%	40	1424
Беларусь	д/нет	д/нет	22	74%	д/нет	д/нет	д/нет	д/нет	д/нет	22
Болгария	4	25%	7	80%	16	71%	д/нет	д/нет	0,3	27,3
Венгрия	20	30%	8	30%	55	42%	д/нет	д/нет	4	87
Латвия	д/нет	85%	10	80%	10	57%	д/нет	95%	д/нет	20
Литва	д/нет	д/нет	13,5	85%	10	58%	д/нет	90%	д/нет	23,5
Польша	30	30%	34	45%	171	58%	д/нет	д/нет	5	240
Румыния	8	35%	18	80%	28	73%	д/нет	д/нет	2	56
Словакия	2	25%	д/нет	д/нет	24	50%	д/нет	д/нет	д/нет	26

⁷ Bennett, O. Cultural policy in the United Kingdom: collapsing rationales and the end of a tradition // European Journal of Cultural Policy, 1995, vol. 1 (2), p. 199–216.

⁸ Источник: Долгин А. Экономика символического обмена. М., 2006, с. 495–497.

Кино и телевидение стали ключевыми сферами культурного развития на перекрестке Искусства и Индустрии, связывающими различные культурные сообщества. За исключением устаревших производственных единиц больших студий, по-прежнему принадлежащих государству, и совместных производств с государственными телеканалами, производство фильмов в Европе осуществляется частными компаниями, иногда создающимися специально для одного-единственного фильма. Это не означает, что они не используют государственное финансирование. Напротив, европейская система организована так, что требует состыковки грантов от различных национальных и наднациональных фондов и учреждений для перераспределения по существу бюджетных средств. В Восточной Европе принцип перераспределения государственных средств работает еще более явно.

В некоторых странах СНГ каждый сектор кинопроизводства и кинопроката субсидируется отдельно. Например, в России частный прокатчик может получить фильм, финансируемый государством, почти даром, затем попросить субсидию на фильмокопии и рекламу и продать фильм региональным и местным прокатчикам (использующим деньги из региональных и местных бюджетов). Вся система работает только благодаря государственным средствам, поскольку низкая посещаемость и минимальные цены лишают кинотеатры возможности покрыть даже текущие расходы (на электричество, отопление, водоснабжение); доход большинства частных прокатчиков поступает из государственных источников. Единственное исключение — возрождение кинорынка России, где местные блокбастеры после 2000 г. пользуются большим успехом, чем голливудские.

Транскультурализм — ключевое понятие для будущего профиля культурной политики. Ученые и политические деятели сходятся в том, что невозможно автоматически адаптировать традиционные восточные ценности к западным стандартам. Неправильная адаптация или радикальный отказ от модернизации заводят в тупик. Результаты выборочной адаптации и коадаптации или модернизации конвергентного типа в каждой стране зависят от комбинации ведущих национальных культур и культур меньшинств, а также их взаимосвязей, выявляющих патологии переходного периода. Для каждого случая требуются различные политические опции. Однако диалог культур, понимаемый в духе последних международных документов⁹,

⁹ В «Белой книге» о межкультурном диалоге «Жить вместе — жить в равном достоинстве» дано следующее определение: «Межкультурный диалог понимается как открытый и уважительный обмен мнениями между отдельными лицами, группами лиц различного этнического, культурного, религиозного и языкового происхождения и наследия на основе взаимного понимания и уважения. Он действует на

остаётся главным средством обеспечения устойчивого развития.

Основным вопросом является адаптация политики модернизации к культурным традициям и стандартам, включая культуры большинства и меньшинств¹⁰. В исследованиях (особенно западных) регулярно рассматривается тема сохранения в условиях рыночной экономики некоторых преимуществ государственного культурного сектора периода социализма¹¹. Экономические трудности переходного периода потребовали значительной государственной поддержки не только для традиционной и классической культуры, но и для индустрий культуры и СМИ. Однако стратегическим направлением культурной политики и политики развития должно стать не нынешнее состояние развитых стран, а будущие этапы информационного и даже пост-информационного общества, где роль культуры должна чрезвычайно возрасти.

Глобализация ныне во всем мире — часть повседневной жизни. Некоторые интеллектуалы объявляют себя невосприимчивыми к глобализации, потому что не смотрят телевизор и не ходят в Макдоналдс, предпочитая французские рестораны и симфонические концерты. Но они не правы в отношении своего иммунитета: эти концерты прошли через сети рыночной экономики так же, как их платья и костюмы, офисное оборудование или мебель. Даже если мы хотим держаться в стороне от массовой культуры, на деле мы — ее часть как потребители и/или участники. Вопрос только в том, как глобальная культура взаимодействует с субкультурами (локальными, демографическими и пр.).

Быстрое устаревание понятий «мультикультурализм» (сосуществование многих культур в одном обществе) и «интеркультурализм» (взаимодействие этих культур) вызвало к жизни понятие «транскультурализм»: возможность выйти за пределы своей собственной (суб)культуры и перейти в иное культурное сообщество, расширяя контекст (что может означать конец Глобализации, а может и не означать). Такие переходы становятся повсеместными благодаря новым коммуникационным технологиям (Интернету и др.). Этот аспект не предусмотрен в традиционной концепции культурного разнообразия, ограничивающегося мультикультурализмом, но именно он — дорога в будущее.

Традиционно культурное лидерство означало представление интересов и ценностей культурного сообщества перед внешним миром. В большинстве случаев лидеры представляли свою собственную

всех уровнях: внутри обществ, между обществами Европы и между Европой и остальным миром».

¹⁰ См.: <http://www.culturalpolicies.net>.

¹¹ Bakacsi, G. et al. Eastern European cluster: tradition and transition // Journal of World Business, 2002, № 37, p. 69–80.

культуру, но некоторые из них действовали как поверенные другой стороны. Яркий тому пример — идеологи марксизма, выступавшие от имени рабочего класса, или колониальные защитники прав аборигенов (этих последних можно рассматривать как предвестников постпостмодернистской концепции культурного лидерства, основанной на необходимости преодолеть последствия культурного разнообразия, сохраняя принцип плюрализма культурных сообществ). В. И. Ленин был первым, кто указал на существование по крайней мере двух культур в каждой национальной культуре: пролетарской (прогрессивной) и буржуазной (реакционной). Для нас их стало значительно больше: этнические, гендерные, религиозные, социально-демографические... Возникновению культурологии и культурной антропологии способствовало открытие британских социологов, сделанное в 1950-х гг.: их соотечественники-рабочие, жившие в тех же городах и говорившие на том же языке, имели культуру (обычаи, традиции и ценности), отличную от культуры университетских профессоров. Распад колониальных империй (последней из которых была советская) узаконил культурный плюрализм, множественность идентичностей и/или множество культур, носителем которых может быть один индивид.

Мультикультурализм основывался на отдельном лидерстве в каждом культурном сообществе, интеркультурализм ввел в оборот концепцию диалога между сообществами и их лидерами, следующий шаг — признание транскulturализма как парадигмы новой концепции лидерства. Какие профессии и личности способны породить новых лидеров? Мы можем найти их прототипы в реальной жизни, в виртуальном и воображаемом мирах, где они существуют как результат художественного творчества. Вот несколько примеров: переводчики (устные более, чем письменные), сближающие людей, говорящих на разных языках; дети от смешанных браков (этнических, национальных, религиозных), воспитанные в двух (или более) культурах одновременно; транс- и бисексуалы, сближающие представителей разных полов, сексуальное большинство и различные типы сексуальных меньшинств; приграничные торговцы как локальная версия транснациональных корпораций; люди, много путешествующие по миру и не имеющие постоянного места жительства; атеисты (единственные, кто способен сблизить между собой религиозные фундаментализмы); блоггеры и другие «сетевые люди», живущие в виртуальной реальности больше, чем в реальном мире, и способные произвольно менять собственную виртуальную идентичность; воображаемые персонажи разного рода (особенно оборотни, сближающие человеческий и

животный мир)... Общая черта потенциальных лидеров — способность трансформировать себя, адаптируясь к различному окружению (принцип хамелеона в «Зелиге» В. Аллена), и преодолевать различия между культурами, соединять их, используя индивидуальный транскультурный опыт.

Принцип метаморфоз становится основным механизмом выживания и развития людей, сообществ, наций и человечества в целом. Будущее — не только за информационным обществом, но и за обществом трансформационным. Те, кто готовит всех нас к этим изменениям, — транскультурные лидеры завтрашнего дня. Многие интеллектуалы стараются ограничить глобализацию политикой и экономикой. Они вынужденно соглашаются, что транснациональные корпорации действуют повсюду, но не признают глобализацию культуры. Невозможно согласиться с этим убеждением. Глобальные культурные явления существуют, включая «Макдоналдс» и кока-колу, но не ограничиваясь ими. Когда в период распада СССР видеопиратство возобладавало над социалистическим процессом образования, российская молодежь через популярную голливудскую и гонконговскую продукцию смогла приобщиться к той же системе ценностей, что и молодежь в других частях Европы, в Китае, Африке, Латинской Америке. Подростки слушали одни и те же песни, любили (или не любили) одни и те же фильмы, восхищались одними и теми же «звездами» спорта... Это был гигантский шаг вперед по сравнению с изоляцией периода «холодной войны».

Как было сказано выше, культурное разнообразие стало неотъемлемой чертой каждого общества. Принимая во внимание этот факт, следует рассматривать его как предпосылку мирного развития, источник интеллектуального, эмоционального и духовного благополучия и средство социально-экономического прогресса и экологической устойчивости. Признаваемое и ценимое на международном уровне, частью электората оно рассматривается как угроза национальной стабильности и социальному согласию. В ответ на эти опасения мировое сообщество все больше и больше признает ценность межкультурного диалога для позитивного восприятия и оформления процесса культурных преобразований и трансформаций, переживаемых обществом.

Культурная политика эволюционировала, следуя за меняющимся пониманием культуры. Однако всегда есть зазор между институциональным реагированием и новыми задачами, требующими решения. Это справедливо и в отношении культурного разнообразия, межкультурного и транскультурного взаимодействия. Инновационные политические подходы должны принимать во внимание сдвиг в понимании культурного разнообразия от

статических рядоположенных единиц, идеально соответствующих границам наций-государств, к представлению о культурном разнообразии как процессе, способном регенерировать культуры, вызывая их скрытый или открытый диалог.

На пороге XXI в. культура и культурная политика были объединены в концепции устойчивого развития, а культурную перспективу признали жизненно важной для воплощения целей и стремлений индивида в обществе¹². Однако обоснование поддержки культуры предпринималось на внекультурных основаниях (даже от имени самой узко понимаемой сферы культуры). Одобрялось влияние культуры на различные виды деятельности, повышающее их эффективность, а ценность культуры сама по себе и культурное развитие ради него самого ставились под сомнение. Подобное отношение обобщенно представлено в следующем виде: «Признание развивающей роли и социального вклада культуры поэтому своевременно и важно. Это позволит культурному сектору играть большую роль в жизни многих миллионов людей и поможет сфере культуры выразить свою ценность в контексте главных социальных, экономических и политических вопросов наступающего столетия»¹³.

Нынешний мировой кризис имеет комплексный характер: «Финансовый кризис осложняется продовольственным кризисом, энергетическим кризисом и кризисом развития. Мы должны при-

знать, что, взятые вместе, эти кризисы предупреждают, что наши модели развития неустойчивы. Однако следует признать, что вместе с кризисом появляется уникальная возможность для изменения. Мы должны ухватиться за этот шанс и использовать его для формирования общества, предоставляющего всем более равные возможности, для обеспечения более стабильного и равномерного роста и более ответственного характера потребления. <...> Мы также должны взглянуть на моральные основы нашего международного сообщества. Наши институты сильны ровно настолько, насколько сильны ценности, лежащие в их основе»¹⁴.

Глобальная «возможность для изменения» поставила задачу подвергнуть переоценке культуру и культурную политику, взглянуть на нее как на сферу, производящую ценности и формирующую мнения, поддерживающую приверженность культуре во всех обществах. Такой курс может быть наилучшим образом реализован при должном внимании к культурному разнообразию, межкультурному диалогу и транскультурному взаимодействию как к инструментам устойчивости. Необходимо ввести понимание культуры как основного социального актива и интегрировать планирование культуры в более широкий процесс планирования. Уникальный опыт стран СНГ, все еще переживающих интенсивные преобразования, может стать примером выживания и развития в условиях мирового кризиса.

Список литературы:

ЮНЕСКО

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954).
2. Конвенция по запрещению и предупреждению незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970).
3. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия (1972).
4. Всеобщая Декларация о культурном разнообразии (2001).
5. Конвенция об охране подводного культурного наследия (2001).
6. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003).
7. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005)
8. Всемирный доклад по культуре «Культурное разнообразие, конфликт и плюрализм» (2000).
9. Всемирный Доклад ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2008).
10. Доклад международного форума «Альянс цивилизаций»(2006).
11. Final Communique of the Expert Meeting on Mainstreaming Principles of Cultural Diversity and Intercultural Dialogue in Policies for Sustainable Development (May, 2007).

Совет Европы

12. European Cultural Convention (1954).
13. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities (1980).

¹² См.: European Task Force for Culture and Development. In from the margins: a contribution to the debate on culture and development in Europe, Strasbourg : Council of Europe, 1997.

¹³ Matarasso, F., Landry, Ch. Balancing act: twenty-one strategic dilemmas in cultural policy. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1999, p. 17.

¹⁴ Вступительное слово Генерального Директора ЮНЕСКО Коитиро Мацууры на 1-м Форуме Будущего «Глобальный финансовый и экономический кризис: его последствия для системы многосторонних отношений и деятельности ЮНЕСКО» (2 марта 2009 г.).См.: <http://portal.unesco.org/en/ev.php>.

14. Framework Convention for the Protection of National Minorities (1995).
15. Opatija Declaration (2003).
16. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (2005).
17. Faro Declaration on the Council of Europe's Strategy for Developing Intercultural Dialogue (2005).
18. Baku Declaration for the Promotion of Intercultural Dialogue (2008).
19. Draft European Manifesto for Multiple Cultural Affiliation. [Strasbourg], 2007.
20. White Paper on Intercultural Dialogue "Living Together As Equals in Dignity", Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008).

21. Bakacsi, G. et al. Eastern European cluster: tradition and transition // *Journal of World Business*, 2002, № 37, p. 69–80.
22. Benhabib, S. The claims of culture. Princeton; Oxford, 2002. (Бенхабиб, С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос, 2005.)
23. Bennett, O. Cultural policy in the United Kingdom: collapsing rationales and the end of a tradition // *European Journal of Cultural Policy*, 1995, vol. 1 (2), p. 199–216.
24. Council of Europe/ERICarts. 2008. Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe, 9th edition, 2008 // <http://www.culturalpolicies.net/>
25. European Task Force for Culture and Development. In from the margins: a contribution to the debate on culture and development in Europe, Strasbourg : Council of Europe, 1997.
26. Everitt, A. The governance of culture: approaches to integrated cultural planning and policies. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1999.
27. Liutkus, V. Lithuania. Privatization/Désétatisation and Culture: Limitations or Opportunities for Cultural Development in Europe? (Conference Reader), Amsterdam: Boekman Foundation/Twente University, 1997, p. 136–138.
28. Matarasso, F., Landry, Ch. Balancing act: twenty-one strategic dilemmas in cultural policy. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1999.
29. Ohana, Yael, Supporting Cultural Actors of Change in Belarus, Moldova and Ukraine, Synthesis Report, Bratislava // Rapporteur General, September, 2007.
30. Robinson, K. 1999. Culture, creativity and the young: developing public policy, Strasbourg: Council of Europe Publishing.
31. Актуальные проблемы культурной политики современной России : [сб.] / ред.-сост. Б. Ю. Сорочкин. М., 2008.
32. Долгин А. Экономика символического обмена. М., 2006.
33. Культурные права и проблемы, связанные с их признанием : сб. очерков, посвящ. празднованию 50-й годовщины принятия Всеобщ. декларации прав человека. М., 2003.
34. Мир культуры. Международная мозаика : сравнит. анализ культур. политики зарубеж. стран / М-во культуры РФ, Рос. нац. б-ка ; сост.: Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. М., 2003.
35. Пахтер М. Культура на перепутье: культура и культурные институты в XX в. М., 2003.
36. Право и культура / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ ; под ред. В. К. Егорова, Ю. А. Тихомирова, О. Н. Астафьевой. М., 2009.
37. Разлогов К. Э. Трансформация образовательных технологий гуманитарного профиля в условиях множественности культур и идентичностей : науч.-метод. материалы. СПб., 2008.
38. Сорочкин Б. Ю. Десять лет, которые потрясли культуру: очерки культурной жизни России на рубеже веков. М., 2002.
39. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика и культура : пер с англ. М., 2004.
40. Эволюция культурной деятельности в новом столетии : в 3 т. / под общ. ред. А. Я. Рубинштейна, Б. Ю. Сорочкина. СПб., 2005.

Bibliography:

UNESCO

1. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (1954).
2. Convention for the Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Cultural Property (1970).
3. Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (1972).
4. Universal Declaration on Cultural Diversity (2001).
5. Convention for Protection of the Underwater Cultural Heritage (2001).
6. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (2003).
7. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (2005).
8. World Culture Report 2000. Cultural diversity, conflict and pluralism (2000).
9. World Report on Cultural Diversity (2008).

10. Report of the Alliance of Civilizations (2006).
11. Final Communiqué of the Expert Meeting on Mainstreaming Principles of Cultural Diversity and Intercultural Dialogue in Policies for Sustainable Development (May, 2007).

The Council of Europe

12. European Cultural Convention (1954).
13. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities (1980).
14. Framework Convention for the Protection of National Minorities (1995).
15. Opatija Declaration (2003).
16. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (2005).
17. Faro Declaration on the Council of Europe's Strategy for Developing Intercultural Dialogue (2005).
18. Baku Declaration for the Promotion of Intercultural Dialogue (2008).
19. Draft European Manifesto for Multiple Cultural Affiliation. [Strasbourg], 2007.
20. White Paper on Intercultural Dialogue "Living Together As Equals in Dignity", Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008).
21. Bakacsi, G. et al. Eastern European cluster: tradition and transition // *Journal of World Business*, 2002, № 37, p. 69–80.
22. Benhabib, S. *The claims of culture*. Princeton; Oxford, 2002. (Бенхабиб, С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос, 2005.)
23. Bennett, O. Cultural policy in the United Kingdom: collapsing rationales and the end of a tradition // *European Journal of Cultural Policy*, 1995, vol. 1 (2), p. 199–216..
24. Council of Europe/ERICarts. 2008. *Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe*, 9th edition, 2008 // <http://www.culturalpolicies.net/>
25. European Task Force for Culture and Development. *In from the margins: a contribution to the debate on culture and development in Europe*, Strasbourg : Council of Europe, 1997.
26. Everitt, A. *The governance of culture: approaches to integrated cultural planning and policies*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1999.
27. Liutkus, V. Lithuania. Privatization/Désétatisation and Culture: Limitations or Opportunities for Cultural Development in Europe? (Conference Reader), Amsterdam: Boekman Foundation/Twente University, 1997, p. 136–138.
28. Matarasso, F., Landry, Ch. *Balancing act: twenty-one strategic dilemmas in cultural policy*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1999.
29. Ohana, Yael, *Supporting Cultural Actors of Change in Belarus, Moldova and Ukraine*, Synthesis Report, Bratislava // *Rapporteur General*, September, 2007.
30. Robinson, K. 1999. *Culture, creativity and the young: developing public policy*, Strasbourg: Council of Europe Publishing.
31. *Aktual'nye problemy kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii* : [sb.] / red.-sost. B. Ju. Sorochkin. M., 2008.
32. Dolgin A. *Jekonomika simvolicheskogo obmena*. M., 2006.
33. *Kul'turnye prava i problemy, svjazannye s ih priznaniem* : sb. ocherkov, posvjaw. prazdnovaniju 50-j godovwiny prinjatija Vseobw. deklaracii prav cheloveka. M., 2003.
34. *Mir kul'tury. Mezhdunarodnaja mozaika* : cravnit. analiz kul'tur. politiki zarubezh. stran / M-vo kul'tury RF, Ros. nac. b-ka ; sost.: E. I. Kuz'min, V. R. Firsov. M., 2003.
35. Pahter M. *Kul'tura na pereput'e: kul'tura i kul'turnye instituty v HH v. M.*, 2003.
36. *Pravo i kul'tura* / Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF ; pod red. V. K. Egorova, Ju. A. Tihomirova, O. N. Astaf'evoj. M., 2009.
37. Razlogov K. Je. *Transformacija obrazovatel'ny htehnologij gumanitarnogo profilja v uslovijah mnozhestvennosti kul'tur i identichnostej* : nauch.-metod. materialy. SPb., 2008.
38. Sorochkin B. Ju. *Desjat' let, kotorye potrasjali kul'turu: ocherki kul'turnoj zhizni Rossii na rubezhe vekov*. M., 2002.
39. Held D. i dr. *Global'nye transformacii: politika, jekonomika i kul'tura* : per s angl. M., 2004.
40. *Jevoljucija kul'turnoj dejatel'nosti v novom stoletii* : v 3 t. / pod obw. red. A. Ja. Rubinshtejna, B. Ju. Sorochkina. SPb., 2005.